

УДК 94(47)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-3.52-68

Архивные документы о событиях в Яицком казачьем войске, предшествовавших пугачёвщине

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

В статье подробно показан процесс развития в Яицком казачьем войске конфликтной ситуации между рядовыми казаками и их старшинской верхушкой в течение нескольких десятилетий, предшествовавших пугачёвщине. В настоящее время эта тема продолжает оставаться малоизученной и практически не связанной с темой пугачёвщины. Документы, отложившиеся в столичных архивах (РГАДА и РГВИА), а также областном архиве Оренбурга (ОГАОО), позволили детально восстановить события восстания яицких казаков 1772 г. и показать их непосредственную связь с пугачёвщиной.

Ключевые слова: Яицкое казачье войско, восстание яицких казаков 1772 г., пугачёвщина, рыболовные промыслы на Яике, атаман Мартемьян Бородин, генерал Фердинанд Фрейман

Для цитирования: Дубовиков А.М. Архивные документы о событиях в Яицком казачьем войске, предшествовавших пугачёвщине // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.52–68. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.52-68>

О пугачёвщине написано много художественной и научной литературы. В советской историографии это событие преподносилась как «крестьянская война», преследовавшая «прогрессивные цели». Сегодня оценка тех событий становится комплексной, да и термин «крестьянская война» часто ставится под сомнение как идеологический штамп ушедшей эпохи. Но из поля зрения историков выпадают события, происходившие на Яике перед пугачёвщиной, ставшие ее преддверием. Обычно используются общие фразы об усилении крепостничества, ужесточении эксплуатации работников мануфактур, росте национального гнета в отношении нерусских народов и т.п. Если упоминают казаков, то и тут звучат общие фразы о постепенной ликвидации былых вольностей, чему казаки пытались противодействовать. Конечно, это имело место; казачий круг, описанный П.С. Палласом [13, с.415–416], посетившим Яицкое войско в 1769 г., то есть в тот самый период, о котором в статье идет речь, – это уже не казачий круг допетровских времен. Но вне поля зрения исследователей остаются события, позволяющие проследить логику развития конфликта в Яицком войске.

Учебник В.И. Буганова и П.Н. Зырянова по истории России для 10 класса издавался с середины 1990-х гг., выдержав не менее двух десятков изданий. При всех своих достоинствах о причинах восстания 1772 г. он сообщает следующее: «Правительство в 60-е годы XVIII века ввело монополию государства на ловлю рыбы и добычу соли на Яике; эти жизненно важные для казаков промыслы брали на откуп казацкие старшины» [1, с.89]. А все было не так. Яик и вся его ихтиофауна в пределах Яицкого войска были законной собственностью общины яицких казаков, а не государства. Добыча соли велась, в основном, в соляных озерах «киргизской (казахской) степи», вне войсковых границ, за что казаки платили пошлину. За лов рыбы они ничего не платили, но должны были платить за установку «учуга» – решетки, забиваемой в дно Яика, дабы избежать ухода крупных рыб за пределы войсковых вод. Ни о каком откупе для старшин речь не шла.

Сбор этих податей казаки поручили старшинам, которые вскоре стали злоупотреблять предоставленным им правом. Когда махинации уже нельзя было скрыть, казаки стали требовать отчетов о собранных средствах, но старшины уже не могли лишиться себя возможности незаконного обогащения. В этом и была главная причина разгоревшегося конфликта.

Но если пугачёвщина вспыхнула как очередной мятеж яицких казаков, то почему восстание 1772 г. было подавлено довольно легко, тогда как пугачёвщина вызвала крупные потрясения, сильно напугав всю столичную власть? В 1772 г. казаки выбрали оборонительную тактику, готовясь к отражению идущих на них войск и все еще веря в доброту «государыни», которая «не ведает» о том, что творят ее чиновники и генералы. Также казаки не желали привлекать на свою сторону другие категории населения Урала и Поволжья, к которым зачастую испытывали презрительное отношение.

В 1773 г. казаки сделали выводы, исправив прежние ошибки. Вместо веры в «добрую государыню» появилась вера в справедливого и настоящего «государя», которого сами казаки и создали. Тактика стала наступательной. Призывы «поддержать государя» были направлены в разные слои общества – к крестьянам, работным людям, нерусским народам. Презрительное к ним отношение наверняка сохранялось, но их помощь казалась важнее сословно-этнических амбиций.

События, предшествовавшие пугачёвщине, отражены в ряде архивных документов. Большая их часть хранится в фонде №6 (о государственных преступлениях) Российского государственного архива древних актов. Интересные материалы есть в фонде №653 (Уральское казачье войско) Российского государственного военно-исторического архива, а также в фонде №3 (Оренбургская губернская канцелярия. 1743–1782 гг.) Государственного архива Оренбургской области.

Согласно одному из документов второй половины XVIII в., конфликт войсковой и старшинской сторон начался на рубеже 1730-х – 1740-х гг.,

когда «оренбургские правители еще в городе Самаре пребывание свое имели», то есть не ранее 1737 и не позднее 1742 г. С жалобами друг на друга Самару посещали «яицкий войсковой атаман Григорий Меркульев» и «тамошний войсковой старшина Иван Логинов», которые по отношению друг к другу «имели непримирительную злобу»¹.

Хотя конфликт и имел место, его главными участниками вряд ли были указанные в документе лица. Молодой Иван Логинов тогда лишь начал службу, а старшиной стал намного позже. Впоследствии он писал Екатерине II, что «в службе Императорского Величества» находится «с 736 году», а «пожалован Яицкого войска старшиною» был только «в 759 году»². Также известно, что 72-летний Григорий Меркульев сложил с себя атаманские полномочия в 1738 г. и умер три года спустя [12, с.34–36]. Вряд ли молодой казак и престарелый атаман имели долгую «непримирительную злобу».

Но информация появилась не на пустом месте; Логинов действительно одно время возглавил оппозицию старшинам и атаману, только не Григорию Меркульеву, а Андрею Бородину. По поводу мотива, толкнувшего его на это, точки зрения расходятся. Поручик Маврин, расследовавший позже причины волнений, считал позицию Логинова следствием зависти. Чин старшины тот получил поздно, отчего не попал «в долю» к остальным старшинам, считал Маврин, писавший, что Иван Логинов «просил атамана Бородина и бывших при нем старшин, чтоб они его пустили в пай того збора, но они его не приняли» [3, с.44 об]. Обиженный, он стал сводить счеты, завоевав авторитет у казаков, и войско Яицкое «прилепилось все к Логинову» [3, с.45 об], который «за обиды их вступается». В ответ атаман отправил в столицу жалобу следующего содержания: «Войско взбунтовалось из-за Логинова, смутьяна» [3, с.46 об].

Казачий писатель и краевед Иоасаф Игнатъевич Железнов, живший в следующем столетии, считал иначе. По его мнению, Логинов действовал исключительно из благих побуждений. «Бородин (чина подполковничьего, заметим в скобках), соединясь с партией близких к нему старшин, вздумал обижать народ разными налогами и поборами, но сторону народа принял старшина Иван Логинов», – пишет он [7, с.312].

В конце 1740-х гг. между Яицким городком и Гурьевом была возведена пограничная линия, протянувшаяся более чем на пятьсот верст. Ее охрана была вверена яицким казакам. Так как Гурьев не входил в состав Яицкого войска, это порождало ряд неудобств, и в начале 50-х гг. он был передан войску. Именно тогда конфликт обрел новый импульс. Казакам было позволено разобрать и перенести к Яицкому городку учуг, возводи-

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.2.

² РГАДА Ф.6. Оп.1. Д.505/1 (Исследование поручика Маврина о раздорах на Яике). Л.15.

мый у Гурьева астраханскими рыболовами [5, с.147]. А так как за установку учуга те ежегодно платили откуп в 5406 рублей, данная сумма была переложена на Яицкое войско [3, с.66]. Казаки доверили сбор денег атаману, не думая о последствиях. На радостях они даже решили, что если атаман случайно соберет больше требуемой суммы, то «войско отдаст ему одну в подарок»³.

Новую Оренбургскую губернию тогда (до 1758 г.) возглавлял Иван Неплюев, в ведении которого находилось Яицкое войско (а также все войска и пограничные линии края). Историк и педагог В.Н. Витевский, работавший в 1870-1874 гг. в Уральске, считал, что Неплюев отстаивал интересы яицких казаков всегда; зная о расколе на войсковую и старшинскую стороны («партии»), он, якобы, «не присоединился ни к той, ни к другой» [2, с.365, 307]. Но вряд ли это так, ибо документы свидетельствуют об обратном. Конечно, старшины были ближе губернатору, который поддерживал старшин Суетина, Миронова и атамана Бородина, непопулярных в войске, но был категорически против популярного у казаков старшины Митрясова, которого назвал «мужиком сумасбродным» и «невежей безграмотным»⁴.

По завершению того или иного рыболовного промысла его участники бросали деньги в отверстие запломбированного сундука, который охраняли несколько старшин. Суммы колебались в зависимости от вида промысла и от улова. Участие в «севрюгах» стоило рубль с наполненной рыбой подводы, которых в разные годы было от 7 до 10 тысяч⁵. Участие в «плавне» – три рубля со связки двух будар, которых обычно было не менее четырехсот. Сумма возрастала до четырех рублей, если часть казаков находилась в походе и не участвовала в промысле. «Багрение» (подледный лов) обходилось каждому участнику, а их было порядка 3–4 тысяч, в 2–2,5 рубля. За лов в озерах и ериках платили 30–40 копеек с воза, последних были тысячи⁶. Сбор денег велся так, что определить собранную сумму простому казаку было сложно: он не знал точного количества повозок, бударок или участников. Маврин считал, что эта путаницу устроили специально, «чтобы удобнее было обмануть войско и затмить для простых людей чистый отчет»⁷.

В 1760 г. атаман Бородин получил армейский чин подполковника. К тому времени он настолько вошел в раж, что перестал платить жалование казакам, ссылаясь на нехватку от рыболовных сборов (которые превышали в несколько раз требуемую сумму). Как отметил Маврин, Бородин «и жалованья войску за два года уже не выдавал, сказывая, что зборов будто

---

³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.42.

⁴ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.3. Оп.1. Д.36. Л.147 об.–148.

⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.42–42 об.

⁶ Там же. Л.43–43 об.

⁷ Там же. Л.43 об.–44 об.

бы недостаточно было в отступную сумму». Казаки требовали отчет, а атаман их «наказывал за то плетьюми, яко озарников и людей мятежных» [3, с.44].

Для разбора конфликта на Яик прибыл генерал Брахвельт, вставший на сторону атамана. После повторной поездки Логинова в столицу Брахвельта сменил генерал Потапов. Атамана и большинство старшин (кроме Митрясова и Суетина) он освободил от должностей, а функции атамана временно передал оренбургскому есаулу Углицкому, который попытался упразднить казачий круг, но Потапов не позволил ему сделать это⁸.

Потапов действовал справедливо, но его сменил майор Новокрещенов, принявший сторону атамана. Из столицы пришла конфирмация, ставшая итогом работы Потапова. Она требовала наказать 15 старшин, есаула, 29 сотников, писаря и городничего. Атамана следовало отрешить от должности и оштрафовать. Подвергнуть наказаниям следовало и ряд казаков, виновных в наговорах, в том числе и Логинова, которого следовало перевести в рядовые казаки Оренбургского войска⁹. Конфирмация отвечала интересам простых казаков, но Левшин оценил деятельность Потапова ошибочно, написав: «В 1766 году по следствии, произведенном генерал-майором Потаповым, множество виновных казаков разными образами наказаны», а «присланный в Уральск генерал-майор Черепов для восстановления повиновения должен был в народ стрелять» [11, с.25]. Потапова сменил не Черепов, а Новокрещенов, которого Левшин забыл. И что значит «должен был в народ стрелять»? По этому поводу Железнов саркастически заметил: «Сие их упрямство так разгорячило Черепова, что он приказал драгунам стрелять по ним... Этакые, подумаешь, злодеи и изверги, эти яицкие казаки! Этакий, подумаешь, гуманнейший человек, этот г. генерал-майор Черепов!» [7, с.314–315].

Железнов справедливо отметил, что Потапов принял сторону простых казаков, поскольку «привел все следствие к окончанию», после чего пришла конфирмация Военной коллегии, согласно которой «на старшин наложен денежный штраф, взыскание удержанного ими жалованья, и лишение их старшинского достоинства». И, хотя среди простых казаков «некоторые ... за ложные доносы осуждены были к наказанию», все остальные казаки «были довольны». Железнов полагал, что Потапов заслужил у «войсковой стороны» уважение, которого среди приезжавших следователей, по его мнению, были удостоены лишь двое («были по их сердцу только двое: генерал-майор Потапов и гвардии капитан Чебышев») [7, с.313].

Новокрещенов не ознакомил казаков с конфирмацией, выполнив лишь пункты, касавшиеся их наказания, а из старшин никто наказан не был. Более того, наказания были ужесточены, и список виновных расши-

---

⁸ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.46 об.–47.

⁹ Там же. Л.13–14.

рен. Логинов же был сослан в Тобольск¹⁰. В том же 1765 г. Новокрещенов провел в Яицком войске перепись его населения.

С жалобой в Петербург отправилась очередная станица¹¹. Полковник Полозов принял сторону казаков, но быстро стал объектом уже старшинских жалоб, и в конце 1766 г. его сменил упомянутый выше Г.П. Черепов. По словам Маврина, Черепов «разбирательства между войском и старшинами не проводил и был благосклонен к старшинам»¹². Он решил провести выборы атамана, но лишь из трех предложенных им кандидатов, не пользовавшихся уважением в войске, включая снятого ранее Бородина. Казаки отказались от выборов, и начался конфликт, завершившийся вызовом драгунов, стрельбой и гибелью нескольких казаков¹³. Выгнав казаков на мороз, Черепов велел им подписать бумаги, в которых значилось, что они признают себя бунтовщиками, и просят прощения¹⁴.

В столицу отправились очередные жалобщики, и это было воспринято Череповым как бунт. Он отбыл в Оренбург, где убедил губернатора князя А.А. Путятина в необходимости срочной отправки против мятежных казаков карательной экспедиции. На Яик были высланы два «регулярных» полка, но до границ Яицкого войска они не дошли, чему помешали ударившие морозы. Часть солдат погибла в пути, а еще 334 человека «руки и ноги отзнобили и, будучи в гошпиталях, померли»¹⁵.

После того как в 1767 г. посланники войска Герасимов и Чеботарев убедили Военную коллегию в необъективности позиции Черепова, новую комиссию возглавил гвардии капитан П.П. Чебышев, также временно занявший должность наказного атамана, и принявший «войсковую» сторону. Его действия Маврин описал так: «Изыскал все первых и последних старшин плутни», после чего «лишены они своих чинов и наложен был на каждого из них штраф»¹⁶. Атаманом был избран Петр Тамбовцев, имевший авторитет у казаков. До этого он числился рядовым казаком 1-й тысячи 8-й сотни¹⁷.

Левшин ошибся, полагая, что Чебышев «наложил на членов канцелярии штраф», но «распоряжения его не были исполнены, атаман и старшины не сдержали данного ими обязательства удовольствоваться казаков» [1, с.25–26]. Чебышев довел до сведения казаков содержание конфирмации, чего не сделали ни Новокрещенов, ни Черепов. Наказания старшин были

---

¹⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.48–48 об.

¹¹ Там же. Л.49–49 об.

¹² Там же. Л.49 об.

¹³ Там же. Л.50–51.

¹⁴ Там же. Л.51 об.–52.

¹⁵ Там же. Л.52 об.

¹⁶ Там же. Л.53.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.126.

исполнены, все распоряжения Чебышева выполнены, войсковое руководство обновилось. Тамбовцев вернул из ссылки наказанных ранее казаков. Ему предписывалось также вернуть казакам незаконно удержанное жалование, взыскав деньги с виновных старшин. Но сделать такое быстро не представлялось возможным, а использовать радикальные методы новый атаман не хотел, отчего вспыхнул новый конфликт. Часть денег была возвращена, остальное атаман обещал вернуть позже, но казаки требовали все и сразу. Теперь уже полетели жалобы на Тамбовцева, разбирать которые прибыл гвардии капитан С.Д. Дурново¹⁸.

Примерно тогда же туда прибыл генерал М.М. фон Траубенберг, но его миссия изначально имела целью выяснение причин отказа казаков от преследования калмыков, пожелавших откочевать на «историческую родину», в Джунгарию («Зюнгорю»), из-за несогласия с политикой правительства.

Левшин вновь ошибся, считая, что разрешать конфликт на Яик прибыл лишь Дурново (называл его Дурновым), а Траубенберг был «начальником регулярного войска, еще за несколько лет перед сим в Уральск введенного» [11, с.27]. Допустил Левшин и другую ошибку, полагая, что императрица послала «Дурнова» на Яик, чтобы «присутствующих в Войсковой канцелярии отрешить, понудить их к уплате Войску удержанного жалования и штрафа» [11, с.26]. Речь о возврате денег, видимо, шла, но с отрешенных от своих должностей старшин. Железнов утверждал, что Траубенберг и Дурново прибыли в одно время, и каждый должен был защищать одну из сторон. Оба они – «миротворители», причем, «Дурново – со стороны казаков, а фон-Траубенберг – со стороны атамана и старшин» [7, с.274].

Дурново и Тамбовцев не торопились с возвратом жалования казакам, а те требовали скорейших действий. Настоятель единоверческой церкви Петра и Павла отец Михаил прибыл в канцелярию как делегат от войскового круга с требованием не только вернуть деньги, но и выдать для самосуда старшин Матвея Суетина и Мартемьяна Бородина (племянника бывшего атамана). Конечно, он получил отказ¹⁹.

В конце 1771 г. Яицкое войско не стало отправлять команду в Кизляр. Левшин объяснил это протестом против действий Дурново: «Народ, раздраженный долговременным неисполнением ожиданий его, отказался повиноваться» [11, с.26]. Но вряд ли казаки смогли открыто бойкотировать приказ Военной коллегии. Они заявили, что послали в столицу с жалобами сотника Ивана Кирпичникова, которого ждут, «а без него-де и командировки чинить не станут»²⁰. Кирпичников вернулся в начале 1772 г., распустив слух, что привез царскую грамоту, позволяющую свергнуть руководство войска, если оно само не уйдет в течение трех суток: «Буде того

---

¹⁸ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.54, 57.

¹⁹ Там же. Л.9–10.

²⁰ Там же. Л.27.

через три дни не исполнится, то о поступлении военною рукою» [4, с.169]. Депутату Уложенной комиссии, старшине И.К. Акутину было приказано доставить «смутьяна» в канцелярию, но на защиту сотника встала толпа, разогнать которую не смогла и высланная команда старшин и 30-ти «послушных» казаков²¹. Проникнуть в дом Кирпичникова они не смогли, так как им противостояла уже весьма внушительная толпа. Угрожая оружием, старшины все же сумели арестовать двух наиболее активных защитников дома, которые были отправлены Траубенбергом под арест. В ответ «мятежники» схватили и избили «послушного» казака Петра Копеечкина, заперли его у Прокофия Толкачева, обещая отпустить в обмен на двух задержанных. Дурново велел арестовать делегатов, прибывших с подобным предложением. У канцелярии собралась толпа со своими требованиями, и вновь она получила ответ, что все требования будут исполнены, но позже. В очередной раз услышав про отсрочку, казаки «больше прежнего расви-репели» [7, с.274–276].

На другой день местом сбора всех недовольных стал дом Толкачевых. Четверо сыновей отставного казака Прокофия Толкачева (Андрей, Степан, Михаил и Петр) ушли из жизни рано – кто погиб в бою с правительственной армией, кого казнили, кто умер на каторжных работах. Лишь пятый сын, Семен, был поверстан в солдаты и отправлен в Прибалтику²².

Двинувшись к канцелярии, толпа, как вспоминал Мартемьян Бородин, избила Герасима Копняева и Петра Копеечкина, пытавшихся «вразумить» ее²³. Вскоре Копняева убили²⁴. Копеечкин был убит через полтора года, когда он возглавил команду, предавшую его и ушедшую к Пугачёву²⁵.

Траубенберг, испугавшись приближающейся к канцелярии толпы, все еще надеясь запугать казаков, приказал открыть по ним огонь из пушки²⁶. Но казаки ринулись в атаку, убив генерала, перебив его отряд, а также ряд его сторонников из числа старшин и «послушных». Потери восставших были не столь велики по сравнению с потерями противника. Среди погибших от их рук – атаман Петр Тамбовцев, его родственник Иван Тамбовцев, дьяк Матвей Суетин, городничий Иван Пыжалов, походный атаман и депутат Уложенной комиссии Яков Колпаков, есаул Петр Пузаткин, сотники Петр Чеботарев, Сергей Един, Герасим Копняев, десятник Федор Уфимцов, канонир Кондратий Тимофеев, есаульский сын Иван Мураев²⁷.

²¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.27.

²² ОГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.145. Л.71 об.

²³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.27 об.

²⁴ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.416.

²⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.512. Л.304.

²⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.28 об.

²⁷ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.6, 12, 14, 28, 34, 35, 126, 215, 416, 605, 616.

Погибли также порядка двадцати рядовых «послушных» стороны: Яков Доеничев, Яков и Андрей Чумаковы, Василий Каймашников, Егор Азовсков, Федор Митрясов, Афанасий Карташов, Андрей Кочергин, Яков Тимофеев, Демид Герасимов, Михайло Серебряков и другие²⁸.

Про команду Траубенберга Бородин сказал, что «сколько драгун с офицерами побито и ранено – неизвестно» (их было много, и никто их не считал)²⁹. Часть офицеров были убиты уже после боя, когда попытались укрыться (как и старшины Суетин, Колпаков и Пыжалов).

Подверглись погрому дома уцелевших старшин и «послушных», хозяева которых оказались под арестом. Рядовых «послушных» вскоре отпустили, заставив просить прощения, стоя на коленях перед участниками круга. Отпустили и некоторых старшин, кроме самых ненавистных – 69-летнего Андрея и 35-летнего Мартемьяна Бородиных, Нефед Мостовщикова и других. Их постоянно выводили в круг, где подвергали унижениям. Больше всего доставалось Бородиным. Мартемьян вспоминал, что он чаще всех «в круг выводим был к наказанию», хотя «прежде от них едва жив оставлен, как от ран копейных, так и от изрубления саблею его головы»³⁰. Нефед Мостовщиков погиб в самом начале пугачёвщины. Это он имеется в виду в документе, согласно которому Михайле Толкачеву, включившемуся в мятеж одним из первых, в Яицком городке «казаки не противились, а противился один старшина, коего он и истребил»³¹.

Сравнивая перепись 1772 г. с переписью 1765 г., легко заметить, что в 1772 г. старшин умерло больше, чем в 1765–1771 гг. Среди умерших – Семен Бородин, Андрей Мостовщиков, Андрей Миронов, Федор Иванаев и др.³² Видимо, это те, кто не смог вынести месяцев унижительного и тяжелого заключения.

Железнов, оправдывая земляков, возложил вину на заезжих гостей: «Это кровавое событие легко бы могло быть устранено капитаном Дурново и генералом фон-Траубенбергом. Стоило только исполнить требование, или, скорее, просьбу казаков» [7, с.277–278].

Дурново остался жив, получив в результате избиения тяжкие увечья и вместе со старшинами оказавшись под арестом. Вскоре его отпустили в Оренбург. Левшину такие детали неизвестны. Он лишь написал, что «Дурнов принужден был выехать», после того как «произошло настоящее сражение, стоившее жизни самому генералу Траубенбергу и бывшему с ним против ослушных войсковому атаману Тамбовцеву» [11, с.27].

Казаки отказались от выборов атамана, которого заменили выборные «судьи», отчитывавшиеся перед кругом, собиравшимся почти ежедневно.

²⁸ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.30, 35, 88, 97, 163, 233, 265, 293, 314, 332 и др.

²⁹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.29.

³⁰ Там же. Л.29–30.

³¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.512. Л.314.

³² РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.6, 9 и др.

Они и, как ни странно, Кирпичников, не дали расправиться с арестованными старшинами, чего так желали многие³³.

В то время Россия вела войну с Османской империей, и собрать силы для подавления «мятежа» было непросто. К тому ж Екатерина хотела узнать все детали как можно подробнее, для чего просила Дурново прибыть в столицу. Но тот, получив тяжкие увечья, не смог бы вынести долгого пути, и к нему прибыл курьер Нелидов, чтобы доставить императрице письмо от Дурново³⁴. Прочтя его, в столице решили, что яицкие казаки виновны в «злодеяниях» и должны быть строго наказаны. Подавление «мятежа» было поручено генералу Фердинанду (Федору Юрьевичу) Фрейману, чей корпус, выступив из Москвы, у Илецкого городка соединился с частями, посланными оренбургским губернатором И.А. Рейнсдорпом³⁵. Казаки наивно полагали, что граф З.Г. Чернышев, глава Военной коллегии, давно желает уничтожить их войско, а губернатор с ним заодно. Якобы корпус Фреймана «следует сюда не по имянному указу», а «по губернаторскому повелению, и не для другого чего, как для истребления сего города»³⁶.

Походы казаков всегда начинались с молебна, но в этот раз священники не были едины. Один из них, Василий Иванов, выступая перед казаками, «увещевал» их, «что сие богопротивное дело»³⁷. Большинство священников все же поддерживали казаков. Например, Михаил Васильев, служивший при единоверческой церкви Петра и Павла, после подавления мятежа, в котором он участвовал, был отрешен от службы и отправлен под арест в Оренбург³⁸.

К отряду, выступившему из Яицкого городка, было велено добавить казаков из форпостов, вследствие чего линейные укрепления стали легкой добычей для казахов («киргизов»), регулярно совершавших набеги. В итоге казаки выступили в поход «тысячах в трех людства с пушками»³⁹. Тогда это соответствовало численности 5–6 конных полков.

Первое столкновение произошло 30 мая у Рубежного форпоста. Казаки безуспешно бросались в атаку, но пассивная тактика Фреймана и пленение некоторого количества его людей заставили поверить в скорую победу, о чем поспешили сообщить землякам, оставшимся в городе. Те «слали обратно в свое войско с поздравлением нарочных». Радуюсь, они «пьянствовали и пели», а женщины «искали по домам послушной стороны мужчин и били их»⁴⁰.

---

³³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.29–30.

³⁴ Там же. Л.7–7об.

³⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.2 об. – 3.

³⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.30–30а.

³⁷ Там же. Л.30а.

³⁸ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.4.

³⁹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.3.

⁴⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.30а.

Радость была преждевременной; уже на следующий день казакам пришлось отступить в Яицкий городок, а еще через день круг решил покинуть город, чтобы перебраться «к Каспийскому морю и, овладев в тамошней стороне известным персидским городком Астрабадом, засесть и обселиться бы в нем». Кроме того, было решено сжечь город. Благодаря возникшей панике, арестованные старшины бежали в ночь с 5 на 6 июня: «Сошли и караульные, определенные за содержащимися в железах полковником Бородиным и протчими старшинами, которым случаем воспользовались их приятели»⁴¹.

Фрейман пресек поджоги и «увещеваниями всех в город обратил», обещая не арестовывать никого, кроме зачинщиков⁴². Ему поверили, и многие вернулись, лишь зачинщики ударились в бег⁴³. Их поисками занялись, в основном, сами вчерашние «мятежники», во главе с армейскими офицерами и своими старшинами⁴⁴. По некоторым данным, во время тех событий на Яике уже появлялся беглый каторжник Пугачёв⁴⁵.

Позже Бородин пытался оправдать казаков, представив их простаками, поверившими Кирпичникову, чьи слова он процитировал так: «Это делает все граф Чернышев, а государыня того не ведает, а всегда велит им в удовольствие делать»⁴⁶. После подавления пугачёвщины Бородин просил о помиловании двухсот с лишним земляков, находившихся в тюрьмах Казани и Оренбурга. Как значится в документе, «полковник Бородин генерал-аншефу и кавалеру Григорию Александровичу Потемкину объявил, что они содеянное ими перед Богом и Отечеством прегрешение впредь под его руководством неослабным, за поведением их смотрением, заслужить могут»⁴⁷. Новый атаман не желал сводить с подопечными счеты. Но для 15-ти человек он сделал исключение, пояснив, что они «находились всегда в развращенной жизни и непослушании своим начальникам», и он «находит их в Уральском войске как людей беспокойных и дерских оставить весьма неспособным»⁴⁸.

Репрессированных в 1772 г. было не так много, счет шел всего лишь на десятки. Участники восстания платили «контрибуцию» старшинам и «послушным», которым нанесли ущерб. Многие заново приняли присягу⁴⁹ [10, с.31–39; 15, Прил. XX].

---

⁴¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.32 об.–33об.

⁴² РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.3.

⁴³ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.34.

⁴⁴ Там же. Л.35.

⁴⁵ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.435. Л.4.

⁴⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.505/1. Л.28.

⁴⁷ ОГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.145. Л.70 об.–71.

⁴⁸ Там же. Л.71.

⁴⁹ Там же. Л.47–48, 67–68.

Левшин считает, что императрица обошлась с участниками восстания слишком мягко: «Екатерина поступила с ними тогда с большею кротостью, нежели они заслужили, ожидали и должны были ожидать. Только самая малая часть важнейших преступников и зачинщиков мятежа были наказаны, прочие получили прощение. Все владения, прежде Войску Яицкому данные, оставлены за ним, право исключительного рыболовства в Яике также подтверждено» [11, с.31].

Иначе на последствия мятежа смотрел Железнов. Главным трагическим итогом тех событий он считает последующее упразднение круга и полную отмену любых элементов выборности атаманов и старшин, а равно и любой возможности как-либо повлиять на их власть. «Едва ли бы Военная коллегия скоро решилась на коренное преобразование Яицкого войска» (если б не то восстание), уверен он. И добавляет, что «повод Военной коллегии разом покончить с казачьим самоуправлением» дало «событие, случившееся в Яицком городке в январе 1772 г.» [7, с.273].

Пятимесячная «воля» закончилась, но злоба у многих осталась. Те, кого сочли зачинщиками, частично скрывались в степях, частично находились в заключении вдали от родины. Причины, толкнувшие казаков к восстанию, – это, с одной стороны, злоупотребления атаманов и старшин, с другой – злоупотребления большей части чиновников, прибывавших в войско для разрешения конфликтов в нем, и, как следствие, потеря надежды на справедливые решения. Столичная власть, видимо, желала наказать реальных виновников и помочь пострадавшим, но чиновники, приезжавшие на Яик, чаще принимали сторону казачьей верхушки, и не бескорыстно, нарушая данные им в Петербурге указания.

Хотя среди зачинщиков восстания имелись и провокаторы, желавшие использовать наивную веру казаков в «добрую государыню» и ее неведение, подавляющее большинство действительно верило, что государыня, узнав о злоупотреблениях старшин и их покровителей, будет на их стороне. Казачьи волнения на Яике случались и раньше, но они всегда были направлены не против существующего строя, а против «плохих» лиц в этом государстве – губернаторов, глав коллегий или «ненстоящих» царей.

В XVIII в. попытки столичных властей поставить Яицкое войско под жесткий контроль усилились, и это способствовало конфликтам простых казаков с атаманской верхушкой, переставшей быть выборной.

Восстание 1772 г. по своему размаху превзошло предыдущие: убиты войсковой атаман, ряд старшин и «регулярных» чинов, включая генерала. Но еще большим потрясением для всей страны и ее властей была пугачёвщина, ставшая продолжением событий 1772 г.

Р.В. Овчинников пишет, что восстание 1772 г., «крупнейшее» «среди выступлений того времени», «было направлено против старшинской верхушки и Оренбургской губернской администрации» [6, с.6]. Конечно, восстание яицких казаков было направлено и против старшинской верхушки, и против губернских властей. Но как можно сравнивать восстание, кото-

рое было подавлено лишь через полгода крупными военными силами, с любым из «выступлений того времени»?

Овчинников считает восстание на Яике предтечей пугачёвщины, но при этом твердо стоит на позициях советской историографии и концепции «крестьянской войны». Он пишет: «Выступление Пугачёва, начавшееся как казачий мятеж, постепенно утрачивая узкосословную окраску, вылилось в крестьянскую войну, поскольку крестьянство становилось массовой силой движения» [6, с.10]. Современный историк В.М. Соловьев по этому поводу заметил, что «автор остался верен известным постулатам отечественной историографии, и не счел нужным от них отказываться» [16, с.191].

Тимофей Мясников, активный участник событий 1772 г., а позже глава личной охраны Пугачёва, на допросе показал, что казаки «вздумали взять под свое защищение» Пугачёва, дабы «зделать ево покойным государем» и «восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев»⁵⁰. Конечно, это относится не ко всем казакам, а лишь к узкой группе интриганов. Для подавляющего большинства казаков он, вероятно, оставался «истинным» государем.

Безусловно, пугачёвщина зародилась в Яицком войске, где было немало желающих взять реванш за неудачу 1772 г., не допустив недавних ошибок. Но насколько массовой была поддержка Пугачёва в казачьей среде? Согласно А.И. Левшину и А.С. Пушкину (которому Левшин подарил свою книгу о Яицком войске), Пугачёва поддержали если не все казаки, то подавляющее большинство. Как писал Пушкин, после подавления восстания 1772 г. казаки затаили злобу, задумав «тряхнуть Москвою» [14, с.336].

Иной взгляд имел Железнов, полагавший, что сторонников и противников Пугачёва было примерно одинаково, а большинство казаков вообще заняли нейтральную позицию. Конечно, писатель-казак лучше знал земляков, чем великий писатель, проведший в их земле лишь несколько дней. А возможно, он просто хотел «обелить» соплеменников, которых многие представители интеллигенции в те годы считали вечным бунтарями и мятежниками. Однако сам автор в заключение добавил, что пытался не оправдывать земляков, «а только доказать, что Пушкин ошибался» [8, с.343].

Нередко, описывая события пугачёвщины и обращая свое внимание на участие в ней яицких казаков, разные авторы не замечали тех, которые были по другую сторону. А такие были. И не только среди старшин, их родственников и «послушных», но и среди активных участников событий 1772 г. К примеру, сотник Харчев, активный участник того «мятежа», в 1773 г. не поддержал Пугачёва, защищал Оренбург под началом старшин Бородина и Акутина, вместе с которыми позже подавлял волнения на Урале и в Поволжье. А встретив бывших сторонников Пугачёва, пленивших своего предводителя, он велел тому слезть с коня и лично заковал его в колодки⁵¹.

---

⁵⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.421. Л.2–2 об.

⁵¹ РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.512. Л.138, 354.

Если Пушкин считал, что Пугачёв стал продуктом казачьих интриг, то, по мнению Железнова, он «выставил пред светом простых, безграмотных яицких, ныне уральских, казаков какими-то политиками, хитрыми интриганями, государственными заговорщиками», а они были всего лишь «жалкие невежды, глупые простаки, заблудшие овцы, увлеченные в мятеж обманом и хитростью Пугачёва» [8, с.317]. Мысля стереотипами своего времени, Железнов был уверен, что русский человек, особенно казак, не способен «на такое пагубное и богопротивное дело». Но как Пугачёв осмелился на это, он же тоже русский человек, казак? Тому объяснение у Железнова простое: «Пугачёв, заметьте, один человек; а один урод в семье может быть, но целая семья – никогда» [8, с.319]. Железнов согласен, что «часть казаков, бывших на стороне самозванца, делали в разных местах многие бесчинства и злодейства». Но это не повод обвинять всех их в жестокости, поскольку «бесчинства» в равной мере творили «и башкирцы, и крестьяне, и разная сволочь, собравшаяся под знамя Пугачёва» [8, с.327].

Также Железнов уверен, что показания Пугачёва, признавшего себя на следствии жертвой казачьих интриг, есть не что иное, как месть казакам, выдавшим его, а также призрачная надежда на помилование [8, с.325–326].

Материалы о Пугачёве Железнов собирал в конце 1850-х гг., спустя более 80-и лет после пугачёвщины. Для этого он использовал и архивные материалы, местные и столичные (например, Архив Военной коллегии), хотя многие документы тогда еще были доступны лишь узкому кругу. Он собрал ряд преданий, записанных у детей и внуков участников пугачёвщины. «На Урале до сих пор много ходит преданий насчет Пугачёва – преданий, разумеется, иногда длинных, а иногда пустяшных, иногда правдоподобных, а иногда совершенно нелепых», – писал он [8, с.336].

Его рассказчики верили, что их родственники служили не самозванцу, а царю. «Как теперь смотрю на него, голубчика: такой был мужественный, величавый... Он был настоящий царь», – вспоминала Анистья, монашка старообрядческого скита, которая была тогда ребенком [9, с.144]. Старик Иван Бакиров рассказал, как накануне пугачёвщины был убит генерал «Трюмбер» [9, с.168], и поведал легенду, согласно которой митрополит московский Алексей (XIV в.), встретив яицких казаков, предсказал им пришествие «набеглого царя», который будет настоящим царем, но прольет много крови. «Он явился неспроста, а по определению Божиему. Значит, и был он не Пугач, а ... настоящий Петр Федорович», – рассуждал Иван [9, с.144]. «На вопрос: кто это был? Рыбинсков, не колеблясь, ответил: “Знамо кто, Петр Федорович! Об этом и толковать нечего”» [9, с.208].

Спор о том, кто был инициатором самозванства – Пугачёв или казаки, грозит стать вечным. Но если даже эта идея и исходила от казаков, то круг их был очень узок, тогда как для остальных он был государем, который, как и они, пострадал от несправедливых действий и которому они готовы помочь, заодно обретя «через него» славу. В любом случае, его появление на

Яике не было случайным. Самозванец был нужен казакам, а казаки – ему. Вряд ли где-то еще, кроме Яика, в ту пору могли начаться события, приведшие к крупнейшему мятежу, потрясшему страну и напугавшему ее правителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России (конец XVII–XIX вв.): учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2002. 303 с.
2. *Витевский В.Н.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Вып.2. Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1890. 368 с.
3. *Дубовиков А.М.* Казачьи волнения на Яике накануне пугачёвщины // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Философия и история». 2005. С.65–73.
4. *Дубовиков А.М.* Восстание 1772 года на Яике как преддверие пугачёвщины // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». №1. 2005. С.168–177.
5. *Дубовиков А.М.* Казачьи волнения на Яике в 50-е – 60-е годы XVIII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». №2. 2005. С.147–153.
6. Емельян Пугачёв на следствии: сборник документов / отв. ред., автор вступительной статьи и комментариев Р.В. Овчинников. М.: Языки русской культуры, 1997. 464 с.
7. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков // Полное собрание сочинений Иоасафа Игнатъевича Железнова. Изд. 3-е, посмертное, с дополнениями и включением всех неизданных статей / под ред. Н.А. Бородина. Т.1. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1910. 474 с.
8. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т.2. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 453 с.
9. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т.3. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 439 с.
10. *Карпов А.Б.* Памятник казачьей старины. Изд. 2-е. Уральск: Фирма «Тор», 1992. 110 с.
11. *Левшин А.И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб.: Военная типография главного штаба Его Императорского Величества, 1823. 84 с.
12. От Гугни до Толстова. Атаманы Яицкого казачьего войска и наказные атаманы Уральского казачьего войска / сост. А.Г. Трегубов. Уральск: Изд. ТОО «Оптима», 2006. 104 с.
13. *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб.: Императорская Академия Наук, 1809. 657 с.
14. *Пушкин А.С.* История пугачёвского бунта // Собрание сочинений А.С. Пушкина в 6 томах. Т.5. М.-Л.: Академия, 1936. 733 с.
15. *Рябинин А.Д.* Уральское казачье войско. Ч.2. Приложения. СПб.: Главное управление генерального штаба, 1866. 108 с.

16. Соловьев В.М. Критика и библиография: Р.В. Овчинников. Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками // Отечественная история. 1998. №1. С.190–193.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 10.07.2024

Принята к публикации 31.07.2024

Archival documents on the events
in the Yaik Cossack army that preceded the “pugachevshina”

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

This article shows in detail the process of development in the Yaik Cossack army of the conflict situation between ordinary Cossacks and their senior leadership during the several decades preceding the “pugachevshina”. Currently, this topic continues to be poorly studied and practically unrelated to the topic of “pugachevshina”. Documents deposited in the capital’s archives (RGADA and RGVIA), as well as in the Orenburg regional archive (OGAEO), made it possible to reconstruct in detail the events of the Yaik Cossack uprising of 1772 and show their direct connection with the “pugachevshina”.

Keywords: Yaik Cossack army, Yaik Cossack uprising of 1772, “pugachevshina”, fishing on Yaik, ataman Martemyan Borodin, General Ferdinand Freiman

For citation: Dubovikov A.M. Archival documents on the events in the Yaik Cossack army that preceded the “pugachevshina”. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.52–68. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.52-68> (In Russian)

REFERENCES

1. Buganov V.I., Zyryanov P.N. History of Russia (late 17th – 19th centuries): textbook for the 10th grade of comprehensive schools. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2002. 303 p. (In Russian)
2. Vitevsky V.N. *Neplyuev and the Orenburg Region in its former composition before 1758*. Vol.2. Kazan: Klyuchnikov Publ., 1890. 368 p. (In Russian)
3. Dubovikov A.M. Cossack Unrest on the eve of the Pugachev rebellion. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Special edition "Philosophy and History". 2005, pp.65–73. (In Russian)

4. Dubovikov A.M. The 1772 Uprising on the Yaik as a prelude to the Pugachev rebellion. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Special edition "Actual problems of the humanities". 2005, no.1, pp.168–177. (In Russian)

5. Dubovikov A.M. Cossack unrest on the Yaik in the 50s – 60s of the 17th century. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Special edition "Actual problems of the humanities". 2005, no.2, pp.147–153. (In Russian)

6. *Emelyan Pugachev under investigation: a collection of documents*. Editor, author of the introductory article and comments R.V. Ovchinnikov. Moscow: Languages of Russian Culture Publ., 1997. 464 p. (In Russian)

7. Zheleznov I.I. *The Urals*. Essays on the life of the Ural Cossacks. *Complete collected works of Ioasaf Ignatyevich Zheleznov*. 3rd edition, posthumous, with additions and inclusion of all unpublished articles. Ed. by N.A. Borodin. Vol.1. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Publ., 1910. 474 p. (In Russian)

8. Zheleznov I.I. *The Urals*. Essays on the Life of the Ural Cossacks. *Complete collected works of Ioasaf Ignatyevich Zheleznov*. Vol.2. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Publ., 1910. 453 p. (In Russian)

9. Zheleznov I.I. *The Urals*. Essays on the Life of the Ural Cossacks. *Complete collected works of Ioasaf Ignatyevich Zheleznov*. Vol.3. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Publ., 1910. 439 p. (In Russian)

10. Karpov A.B. *Monument to Cossack antiquity*. 2nd edition. Uralsk: Tor Publ., 1992. 110 p. (In Russian)

11. Levshin A.I. *Historical and statistical review of the Ural Cossacks*. St. Petersburg: Main Directorate of the General Staff Publ., 1823. 84 p. (In Russian)

12. *From Gugini to Tolstov. Atamans of the Yaik Cossack army and acting atamans of the Ural Cossack army*. Compiled by A.G. Tregubov. Uralsk: Optima Publ., 2006. 104 p. (In Russian)

13. Pallas P.S. *Travels through various provinces of the Russian Empire*. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1809. 657 p. (In Russian)

14. Pushkin A.S. History of the Pugachev rebellion. *Collected Works of A.S. Pushkin in 6 volumes*. Vol.5. Moscow-Leningrad: Academy Publ., 1936. 733 p. (In Russian)

15. Ryabinin A.D. Ural Cossack host. Part 2. Appendices. St. Petersburg: Main directorate of the General Staff Publ., 1866. 108 p. (In Russian)

16. Soloviev V.M. R.V. Ovchinnikov. Investigation and trial of E.I. Pugachev and his associates. *Domestic History*. 1998, no.1, pp.190–193. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received July 10, 2024

Accepted for publication July 31, 2024